

«Кажется, что хоть немножко, а поговорил с тобою, моя дорогая, и с ребятами». Письма Ш. З. Голубкина к жене и детям как исторический источник

Л. А. Болокина

Статья посвящена анализу писем Шмеры Залмановича Голубкина, участника партизанского движения на территории Калининской области в годы Великой Отечественной войны. Подлинники писем хранятся в фондах Тверского центра документации новейшей истории и относятся к периоду 1941–1944 гг. Письма адресованы жене и детям Голубкина, которые были эвакуированы в Алма-Ату. Главной темой переписки была повседневная жизнь семьи. Автор прежде всего интересовался здоровьем, бытовыми условиями существования семьи. Много внимания автор уделял финансовым вопросам ее обеспечения. Разлука с близкими людьми стала очень трудным испытанием для Голубкина, письма же давали ему ощущение участия в жизни жены и детей. Автор постоянно выражал надежду на скорую встречу с семьей. Тексты писем отражают эволюцию настроений Голубкина и оценку сроков окончания войны. В письмах есть сведения о жизни людей в условиях прифронтового региона, формах поведения, способах коммуникаций. Также имеется некоторая информация о партизанском движении и ситуации в оккупированных районах.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военная повседневность, Калининская область, Ржев, партизанское движение, переписка, эвакуация.

Для цитирования: Болокина Л. А. «Кажется, что хоть немножко, а поговорил с тобою, моя дорогая, и с ребятами». Письма Ш. З. Голубкина к жене и детям как исторический источник // История повседневности. – 2023. – № 4. – С. 145–162. DOI: 10.35231/25422375_2023_4_145. EDN: XXXVOO

Введение

Современные отечественные историки проявляют живой интерес к частной переписке советских граждан в годы Великой Отечественной войны. В определенной мере это обусловлено тем, что в советский период потенциал данного вида исторических источников был мало задействован. Прежде всего учеными рассматриваются информационные возможности писем как исторического источника [1; 2]. Г. Н. Белоглазова, А. С. Кузнецов, А. Ю. Иванов выделяют различные типы писем, выявляют их структуру и особенности, анализируют степень достоверности [1; 3; 4]. И. Г. Тажидинова показывает значение переписки фронтовиков с родителями в контексте развития внутрисемейных отношений [5]. Большинство авторов признают ценность писем военных лет как источников личного происхождения. В центре внимания находятся письма с фронта, которые по естественным причинам сохранились в значительно большем количестве. Диссертационное исследование А. Ю. Иванова полностью посвящено изучению писем участников Великой Отечественной войны как исторического источника¹. Именно тексты фронтовых писем в последние десятилетия публиковались в ряде российских регионов, в том числе в Тверской области [6; 7]. Однако сведения о военной повседневности содержат не только письма с фронта. Обращение к переписке других участников и свидетелей событий 1941–1945 гг. позволяет расширить представление о прошедшей войне, в частности, о различных аспектах повседневной действительности, динамике настроений, изменении межличностных взаимоотношений.

Некоторое время назад в Тверском центре документации новейшей истории появился фонд участника партизанского движения в годы Великой Отечественной войны Шмеры Залмановича Голубкина. Он родился в 1905 г. в г. Белом Смоленской губернии, там же окончил девятилетнюю школу и вступил в комсомол, а в 1930 г. стал членом ВКП(б), проживая уже на территории Ржевского района Калининской (ныне Тверской) области. Поработав на самых разных должностях, от волостного ликвидатора безграмотности до секретаря райисполкома,

¹ Иванов А. Ю. Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник: (по материалам Татарстана): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 24 с.

к началу Великой Отечественной войны Шмера Залманович занимал пост директора Ржевского горпромпромкомбината. Супругой его стала учительница из Оленинского района Екатерина Семеновна Волкова. В семье подрастали двое детей. Дочери Марксине в 1941 г. исполнилось 12 лет, сыну Эдуарду 5 лет.

В июле 1941 г. Екатерина Семеновна с детьми уехала в Алма-Ату, где они прожили более трех лет, вернувшись в ноябре 1944 г. Несколько недель после их отъезда Голубкин оставался в Ржеве. В октябре, перед появлением немецких войск в городе, вступил в партизанский отряд. В декабре отряд вышел в советский тыл на перегруппирование, и как раз в те дни Шмера Залманович получил ожог спины, из-за которого провел в госпитале около трех недель. В начале 1942 г. он был направлен в освобожденный от оккупации Калинин и работал в статистическом управлении, но уже в апреле вернулся в ряды партизан. В отряде под названием «За родную землю» Голубкин почти сразу стал помощником командира по хозяйственной части, затем политруком взвода и командиром взвода. В сентябре 1942 г. его назначили командиром отряда «За родного М. И. Калинина», в январе 1943 г. комиссаром отряда им. Фрунзе, с марта комиссаром 2-й Калининской партизанской бригады. С мая по август 1944 г. он являлся комиссаром 16-й Калининской партизанской бригады. После освобождения территории Калининской области от оккупантов бригада была расформирована, Голубкин уволен в запас.

Среди прочих материалов, фонд включает подлинники писем Ш. З. Голубкина родным, тексты которых стали объектом анализа в данной публикации. Цель статьи заключается в рассмотрении писем как исторических источников путем изучения и анализа их текстов. Всего фонд содержит 53 письма, написанных в период с августа 1941 г. по август 1944 г. Первые 13 писем относятся к 1941 г., следующие 23 письма к 1942 г., шесть писем к 1943 г. и 11 писем к 1944 г. По информации на штемпеле или в самом тексте можно узнать, что в августе, сентябре и октябре 1941 г. Голубкин писал, находясь в Ржеве или на строительных работах в д. Борисово Ржевского района. Письмо от 25 ноября 1941 г. – первое после выхода из немецкого тыла, где автор не имел возможности посылать письма – было отправлено из Каменского района, в декабре два письма были

написаны в г. Торжке и два в полевом передвижном госпитале, располагавшемся недалеко от Торжка в Митино. Семь писем, датированных январем – апрелем 1942 г., отправлены из Калининна. Направляясь в партизанский отряд весной 1942 г., Голубкин отправлял короткие письма из Бологого, Торопца и Осташкова. Затем последовали письма из д. Кукуй Великолукского района, д. Наварково Куньинского района. В период с октября 1942 г. по август 1944 г. точное местонахождение автора посланий не указывается.

Некоторые письма написаны на тетрадных листах в клетку или линейку, другие на нелинованной бумаге, одно на обороте бланка переписного листа. Часть текстов составлена на почтовых карточках с оплаченным ответом. В большинстве случаев автор использовал чернила, реже карандаш.

Результаты

Все письма, за исключением одного, адресованы жене и детям. Судя по текстам, семья была дружной, оставалась таковой и после долгой разлуки. Любовь к близким Шмера Залманович выражал в ласковых обращениях: жену он чаще называл «Кысеночка», а также «милая Катюша», детей «Марочка» и «Эдинька», «дорогие детки», «ребятушки». Себя же называл «Шмеренок» и «папулька». Некоторое изменение видно в письмах 1944 г.: автор подписывал их «ваш Шмера и папа». Более сухие, чем ранее, выражения, вероятно, отражали безмерную усталость от войны и разлуки с родными людьми.

В большинстве писем автор сначала обращался к супруге, а затем к детям, но 4 апреля 1942 г. сначала написал Маре, Эдику, лишь затем обратился к Екатерине Семеновне. Вероятно, причиной стало сильное беспокойство о здоровье детей, так как Голубкин упомянул письмо дочери, в котором сообщалось о перенесенной ею и братом болезни. Письмо от 25 августа 1943 г. адресовано только жене, детям же отец передал приветы и поцелуи. И вновь, по всей видимости, дело в болезни, но на этот раз в болезни самого Шмеры Залмановича, описанной в тексте. Возможно, он не хотел рассказывать детям подробно о перенесенном заболевании. Полностью обращено к Екатерине Семеновне и письмо от 17 февраля 1944 г. В нем Голубкин сообщил о полученной

награде и присвоении нового звания, разделив с супругой свою радость. В текстах этих посланий особенно отчетливо проявилась любовь к жене и тоска от затянувшейся разлуки.

Как внешние обстоятельства, так и внутреннее состояние Шмеры Залмановича влияли на содержание посланий. К примеру, из-за плохого настроения письмо могло получиться нескладным по его же признанию, а вот в день годовщины с момента эвакуации семьи ему постоянно «хотелось сесть и написать письмо, в котором поделиться своими переживаниями» [8; л. 44, 71]. Нередко автор описывал обстановку, в которой составлял текст – находясь в своей ржевской квартире, где вечером «тихо и одиноко», а когда переставало шипеть радио, тишина становилась совершенно невыносимой; в три часа ночи в Торжке, когда боевые товарищи спали, а он был дневальным и писал письмо; сидя за коптилкой в калининской квартире; поздно вечером в рабочем кабинете в Калининe, торопясь уйти домой до полуночи, когда разрешено было хождение по городу; пользуясь остановкой в деревне по пути в партизанский отряд при последней возможности отправить письмо почтой и т. д. [8; л. 10, 13, 21 об., 30, 36 об., 41].

Значение переписки с родными людьми было исключительно велико для Шмеры Залмановича. Во время пребывания в тылу врага ценность писем еще более возрастала: «Ваши письма ободряют меня и возникает снова надежда на то, что рано или поздно мы с вами увидимся, что этот счастливый момент настанет скоро» [8, л. 56]. Весточки из советского тыла ослабляли ежедневное напряжение, в котором находился Голубкин, показывали, что близкие всегда помнят о нем: «Когда получаешь от вас письма, то эта уверенность возрастает многократно и на душе становится легче» [8, л. 58 об.]. Переживая задержку писем, он признавался семье, что «неизвестность очень мучает», что «скучно и тревожно, когда долго от вас нет писем» [8, л. 21, 56 об.].

Шмера Залманович нередко упрекал жену и детей в том, что они задерживали свои ответы, при этом не раз приводил в пример общих знакомых, которые гораздо более регулярно получали весточки от эвакуированных родственников, выражая подобными сравнениями некоторую обиду. Он просил своих семейных писать чаще и подробнее, особенно беспокоился

об их здоровье. Указывая, сколько писем он отправил за определенный срок, не получив в это время ни одного от близких, он призывал их отдать «долги по счетам» и прислать столько же [8, л. 28]. Конечно, Голубкин понимал, что причины отсутствия писем бывали различными, и однажды написал, что ругает «на чем свет стоит начальство, которое проявляет бездушность по вопросу налаживания личной связи своих подчиненных с "большой землей"», предположив, что множество писем просто не могут добраться до него [8, л. 58]. Осознавая, что потеря некоторого количества писем в пути неизбежна, он видел такой выход: «Пишите мне почаще, не обращайтесь на плохую связь, пусть хоть часть писем дойдет до меня, это все же лучше, чем ничего» [8, л. 51]. Сам Голубкин нередко повторял в письмах отрывки из своих предыдущих посланий, полагая, что и его письма не всегда доходили до адресатов. Он не забывал благодарить родных за ответы, признавался, что читает их с радостью и большим удовольствием, несмотря на все трудности, обещал «использовать всякую возможность» для того, чтобы написать семье [8, л. 39 об.].

Шмера Залманович предпринимал немало усилий для налаживания и поддержки регулярной переписки. С этой целью он сначала решил нумеровать письма, в последующем тщательно уточнял адреса, на которые следовало посылать письма. Например, по пути в партизанский отряд весной 1942 г. он попросил к адресу, который сообщил жене ранее – это был адрес Калининского обкома – добавлять следующий условный знак: приписывать «с Калинин». Голубкин предлагал различные способы связи, более надежные или просто возможные в определенный момент. Например, просил отправлять открытки, которые доходят скорее, а 17 декабря 1941 г. он посоветовал жене адресовать письма его родственникам в Москву для последующей пересылки ему, сославшись на то, что газеты из Москвы уже на третий день получают в госпитале. При этом он вовсе не был уверен, что родственники оставались в столице, но надеялся на это. В конце декабря Шмера Залманович назвал жене имя и фамилию женщины, которая покинула его отряд и собиралась получить разрешение на отъезд в Алма-Ату, предложил узнать у родственников этой женщины в Алма-Ате, видимо, общих знакомых Голубкиных, о ее

приезде. При личной встрече она могла рассказать Екатерине Семеновне о жизни ее мужа дополнительные подробности, которые были недопустимы в письмах. В мае 1942 г. он рекомендовал отправлять письма сразу в два адреса, «авось какое-нибудь из них дойдет» а уже в июне рассудил, что надежнее посылать письма через политотдел армии, и лишь иногда отправлять на адрес обкома [8; л. 6, 23, 26, 41, 43]. Стремясь не допустить потери писем из-за военной цензуры, Голубкин предостерегал близких о том, что «писать нужно осторожнее и ничего лишнего. Побольше пишите о себе и поменьше спрашивайте обо мне», одновременно извиняясь, что пишет не столь много о себе, потому что нельзя [8; л. 38, 69].

Из текстов можно понять, какие способы связи использовал сам Голубкин, а значит, и окружавшие его люди. Так, в августе 1941 г. он по совету знакомого поспешил послать письмо в Алма-Ату со школьницей, уезжавшей из Ржева то ли в Уфу то ли в Челябинск, предположив, что таким путем оно дойдет до адресата скорее, чем по почте [8, л. 5 об.]. 10 октября 1941 г. письмо было переправлено «попутчиком через Калинин», так как в Ржеве почта уже не работала [8, л. 17 об.]. Попытка отправить телеграмму из Торжка 10 декабря 1941 г. и получить быстрый телеграфный ответ также не удалась из-за отсутствия телеграфной связи в райцентре Кувшинове и Торжке [8, л. 21].

Именно переписка позволяла Шмере Залмановичу мысленно оставаться вместе со своей семьей на протяжении многих месяцев. Насколько это было важно для него, показывает следующий отрывок из письма: «Ах, как хочется знать и знать регулярно, постоянно, как вы живете, все до мелочей, до деталей. Если нельзя бывать с вами, если нельзя видеть вас, так почему же нельзя иметь регулярную письменную связь и любоваться вами хотя бы по фотографии?» [8, л. 72]. Во многих посланиях автор сравнивал обстоятельства жизни в Алма-Ате и в Калининской области, опираясь на описания родных и собственные знания и наблюдения. Первое подобное сопоставление присутствовало уже в письме от 23 августа 1941 г., когда Голубкин убедился, что семья находится в Алма-Ате. Чаще всего он подчеркивал разницу между климатическими условиями, представляя, что близкие люди греются под южным солнышком, в то время как на калининской земле идут дожди или снег, похолодало,

стоят морозы или метет пурга [8, л. 5, 8 об., 15, 20, 21 об., 32, 62 об.]. Эти сравнительные линии как будто в образной форме отражали различия между течением жизни в тыловом регионе и на прифронтовой территории.

Отличия можно было увидеть и при сравнении работы школ, так как с ними напрямую были связаны жена и дети, а также существовавших цен на продукты и вообще наличия продовольствия, возможностей его приобретения. Узнав от дочери, что цена мяса в Алма-Ате весной 1942 г. составляла 30 р. за кг, Голубкин отметил, что в Калининне она доходила до 180–200 р. за кг. И если на базарах Алма-Аты продавался так называемый коммерческий хлеб, то «в Калининне только паек и все, а на базаре можно достать хлеб только в обмен на махорку или другие товары» [8; л. 31, 33]. Не раз отец мечтательно упоминал о яблоках и помидорах, которые в гораздо большем количестве могли употреблять в пищу эвакуированные члены семьи, радовался, что небольшой огород помогал им улучшить питание.

Несмотря на это, Шмера Залманович тревожился о нехватке продуктов в рационе жены и детей. Однажды, после жалобы супруги на материальные трудности, он посоветовал ей продать все, в том числе его костюм, и воспользоваться средствами со сберкнижки, посчитав, что «хотя деньги эти и мамашины, но при таких условиях считаться нельзя. Живы будем – вернем» [8, л. 30]. Забота Голубкина о своей семье выражалась в постоянном внимании к тем возможностям оказания материальной помощи близким, которые у него появлялись. При отправке денег он постоянно указывал конкретные суммы, спрашивал об их доставке, подробно уточнял способы получения конкретных государственных выплат. Называя размер собственных зарплат в различные периоды, считал нужным пояснить, почему отправил семье ту или иную сумму, сколько и на какие нужды расходовал он сам. Стремясь улучшить материальное положение семьи, Голубкин несколько раз просил жену попытаться получить выплаты по облигациям и приводил размеры выигрыша, о которых прочитал в газетах. Реагируя на рассказы Екатерины Семеновны о трудоустройстве и особенностях работы на новом месте, он старался поддержать ее, при этом напоминал, что жизнь детей во многом зависит именно от нее, а работа поможет обеспечить семью независимо от его дальней-

шей участи. Часто Голубкин напоминал и о том, что в будущем станет вдоволь хлеба, а воссоединившись с семьей, основную часть забот он возьмет на себя, таким образом подбадривая супругу. Прямые и косвенные рассуждения и упоминания о материальном положении семьи содержатся в 28-ми письмах из 53-х.

Как своеобразный способ моральной поддержки близких можно рассматривать и содержащиеся в письмах размышления Голубкина о правильности решения эвакуировать близких, а также сравнения судеб других знакомых семей с положением своего семейства. Уже 14 августа 1941 г. он поделился с женой, что после некоторых сожалений об отъезде семьи в далекие края, в тот день он был доволен, что близкие не в Ржеве, «после одного случая», какого именно, не пояснил [8, л. 2]. В сентябре выбор места эвакуации показался ему совершенно верным: «Вам тепло, безопасно, и, судя по письму (...) сытно, в то время как народ, уехавший поближе вас, не особенно доволен своей жизнью» [8, л. 12]. Позднее он только укреплялся в этом мнении, что можно понять из фрагментов писем, где автор рассказывает, что некоторые партизаны в отряде не имели точных сведений о своих семьях, у части бойцов родственники погибли из-за обвинений в связях с партизанами [8; л. 17, 59].

Чувство ответственности за свою семью, стремление позаботиться о близких заставило Шмеру Залмановича в одном из писем обратиться к родственникам, проживавшим в Москве. Это письмо было составлено 17 апреля, перед отправкой в партизанский отряд. В нем Голубкин просил не оставлять без внимания Екатерину Семеновну, Мару и Эдика, если с ним что-то случится, хотя тут же уверял, что останется цел и невредим, выделил подчеркиванием слова «до скорого свидания» [8; л. 34–34 об.]. Тогда же он написал длинное письмо жене и детям, начинавшееся со множества добрых эпитетов, что, по его собственному признанию, показывало сложное душевное состояние, в котором находился автор. Особенно подробно он перечислил выплаты, которые семья должна получать, объяснил способы связи в будущем, указал, куда обращаться, если потребуется помощь [8; л. 36–36 об.].

Желание непрерывного участия в жизни семьи выражалось в прямых обращениях к детям. Мару он прежде всего призывал отлично учиться и уделять внимание здоровью.

О наличии таких приоритетов свидетельствует следующее рассуждение: «Жизнь – это очень сложная вещь и трудно предугадать, что каждого из нас ожидает в будущем. Вот я не думал, что жизнь заставит меня заниматься тем, чем занимаюсь я сейчас, и находиться в таких условиях, в каких мне приходится быть. Но кроме знаний нужно еще здоровье, а вот этого у тебя нет, а ты имей ввиду, что здоровье во многом зависит от самого человека» [8, л. 20 об.]. Лишенный возможности поговорить с подраставшей дочерью о важных жизненных вещах, Шмера Залманович иногда затрагивал их в письмах. Предположив, что в Алма-Ате дочь завела много новых знакомств, он предостерегал ее от тесной дружбы со всеми, так как, по его мнению, «все люди имеют и хорошие и плохие стороны, но дружить нужно с такими людьми, у которых плохие стороны не выпячиваются резко, а хороших сторон больше чем плохих» [8, л. 33].

На воспитание сына он тоже хотел оказывать влияние. Например, поздравление Эдика с пятилетием сопроводил следующими пожеланиями: «Расти, дорогой, хорошим здоровым мальчиком, готовься стать хорошим человеком, который должен приносить пользу не только себе, но и другим людям. Слушайся, дорогой мой, маму и твою сестренку Марочку, они тебя научат хорошему. Давай сделаем так, чтобы наша встреча с тобой была радостной и чтобы я видел, что у меня растет замечательный сын, здоровый, смелый, умный, некапризный, трудолюбивый и послушный по отношению к своим родителям и воспитателям» [8, л. 19]. Слова о том, что хороший человек должен приносить пользу другим, не раз встречаются в письмах, видимо, это было важным элементом мировоззрения Голубкина.

С самых первых писем Шмера Залманович настойчиво просил Эдика самого написать письмо отцу и пояснял, что ему будет очень приятно смотреть на каракули, выведенные сыном. Впоследствии, получив и рассмотрев надписи печатными буквами и рисунки сына, Голубкин тепло благодарил его. Наверное, рисунки Эдика в годы войны были самым дорогим в жизни Шмеры Залмановича. Такой вывод можно сделать из признания в том, что при отъезде из Калинина в партизанский отряд весной 1942 г. Голубкину пришлось уничтожить все письма,

но рисунки Эдика он взял с собой. Через два года, проведенных в постоянной опасности, Шмера Залманович по-прежнему хранил письма сына [8, л. 43 об., 68].

Расставание с семьей Голубкин переживал тяжело, о чем свидетельствуют постоянные подсчеты и напоминания, сколько времени прошло с момента эвакуации. Через полтора месяца после отъезда семьи разлука уже казалась долгой, через 8 месяцев после расставания срок представлялся «ужасно долгим», как в первую и во вторую годовщину эвакуации. Грусть от ощущения разделенности с семьей усиливалась накануне 1 мая или 7 ноября, когда он писал о желании отмечать праздники вместе с близкими. В декабре же автор интересовался, чем в Алма-Ате заменяют елку. В феврале 1944 г. чувства обострились до предела, о чем Шмера Залманович откровенно написал близким: «Тяжело до невозможности. Кто думал, что наша разлука затянется на столько времени, а ведь прошло уже 2 года и почти 7 месяцев. Ведь это же целая вечность. Ведь подумать только, Марочке уже 15-й год, Эдюсеньке 8-й год, а тебе, Кысенокка, 40-й год. Ведь так может незаметно пролететь и вся жизнь». Тут же взяв себя в руки, он продолжил: «Но ничего, мои дорогие, унывать нечего, дела идут хорошо, и недалеко то время, когда этих проклятых извергов выгоним с советской земли и заживем счастливо и свободно» [8, л. 65 об.]. Мечта о встрече с близкими сохранялась на протяжении всей разлуки, но если сначала автор писем думал о «недалеком будущем», затем о мае 1942 г., о совместной встрече 1943 г., то потом не конкретизировал дату [8, л. 17 об., 19, 27].

По текстам писем можно в определенной мере проследить динамику настроений Шмеры Залмановича. Отметим несколько моментов, среди которых есть постоянное ощущение неопределенности, которое он испытывал. Речь идет не только о встрече с семьей, которая постоянно планировалась и отдалась. В сентябре 1941 г. он характеризовал свою жизнь и внутреннее состояние так: «Два месяца как я живу на положении человека, который не знает, куда приклонить свою голову. А впереди многое еще не ясно, а может быть и черно» [8, л. 12]. Спустя пару месяцев, вернувшись с партизанами в советский тыл, он написал, что перспективы совсем неясны: то ли ему придется вернуться в тыл врага, то ли перейти на службу

в армию [8, л. 19 об.]. Приехав из госпиталя в Калинин в начале 1942 г., Голубкин считал, что скоро отправится в Ржев, на деле же остался в областном центре. Работая в статистическом управлении, он каждый день ожидал мобилизации в армию или вызова о возвращении в ряды партизан [8; л. 28, 31, 33].

Анализ текстов писем показывает, что настроение автора, как и большинства советских людей в годы войны, в значительной мере определялось известиями о развитии событий на фронтах. И если до середины декабря 1941 г. мысли о будущем Голубкин формулировал в общих выражениях, то, едва услышав сообщение об освобождении Калинина от оккупации, он тут же написал, что скоро рассчитывает быть в Ржеве, восстанавливать советскую власть и городское хозяйство, а мечты о скорой встрече с семьей вспыхнули с новой силой [8, л. 23 об., 25 об.]. После известия о начале контрнаступления советских войск под Сталинградом «надежды на скорый конец проклятых гитлеровцев снова возросли и на душе стало значительно легче» [8, л. 54]. 13 июля 1943 г. автор письма охарактеризовал свое настроение как прекрасное и уточнил, что оно особенно улучшилось в связи с успехами на фронтах [8, л. 61 об.].

В 1944 г. приближение Красной армии к местам, где находился отряд Голубкина, усиливало надежды на скорую встречу с близкими буквально «с каждым днем и с каждым часом» [8, л. 67 об.]. Однако в последние месяцы жизни в тылу противника долгое ожидание встречи становилось нестерпимым. Вот как описывал свое состояние Шмера Залманович: «Временами, когда артканонада на фронте становится громче, эта надежда возрастает, а затем в дни затишья она снова уменьшается и становится до того грустно, что плакать хочется» [8, л. 69]. Мысленно ускоряя события, Голубкин обещал «на крыльях» лететь к семье сразу после освобождения территории, где располагался отряд. В реальности произошло не так, но после прихода Красной армии настроение его изменилось самым решительным образом, о чем он написал Маре: «Как бы то ни было, а я теперь свободный гражданин Советского Союза, нахожусь на территории своей матери Родины и всё прошлое осталось далеко и отчасти уже начинает забываться» [8, л. 74].

В тексте письма, в котором Шмера Залманович впервые сообщил родным о своем участии в партизанском движении

осенью 1941 г., он назвал фамилии двоих людей, помогавших немцам после прихода в Ржев осуществлять власть в городе и напомнил, что один из них ранее являлся помощником Голубкина по горпромкомбинату [8, л. 17]. После автор писал о желании вместе с немцами громить предателей. В письмах, относящихся ко второму периоду участия Голубкина в партизанском движении, автор не раз упоминал о желании отомстить гитлеровцам и их пособникам, «которых, кстати, оказалось немало», за страдания советских людей [8, л. 42 об.]. Однажды он написал жене так: «Ты ведь знаешь, что во мне национального, еврейского, осталось немного, но когда, будучи около Пустошки, Невеля Калининской области, Освеи и Юховичей Витебской области БССР, ужас и злоба охватывали меня от рассказов населения об издевательствах немцев над населением вообще и над евреями в особенности» [8, л. 46]. В ряде случаев, когда Голубкин писал о немцах и своем отношении к ним, он начинал выражаться языком пропаганды, повторял шаблонные выражения, присутствовавшие в средствах массовой информации того времени, что заметно отличает эти места в переписке от обычного стиля автора.

В письмах, написанных после пребывания в тылу врага осенью 1941 г. и в период пребывания в партизанских рядах в 1942–1944 гг., можно найти информацию о повседневной жизни бойцов, почерпнуть некоторые сведения об организации партизанского движения в Калининской области, например, об обеспечении участников отрядов одеждой и обувью. 11 октября 1941 г. Шмера Залманович ушел из Ржева и начал партизанскую деятельность в собственной одежде, причем зимнее пальто было порядком истрепано, брюки разорвались, а починить их, видимо, не было возможности, и он предполагал, что скоро всем выдадут обмундирование и станет лучше. 1 декабря 1941 г. он получил валенки, а накануне сам сшил себе теплые рукавицы из «шубнины» и «ходил себе кум-королю» [8, л. 16 об., 20]. Однако и 5 мая 1942 г. он отмечал: «Мое зимнее пальто по-прежнему является и постелью и одеялом» [8, л. 40].

Иногда Голубкин уточнял, что во время написания письма находился на советской территории, например, 30 июня 1942 г. В сентябре 1942 г. его назначили на должность начальника базы партизанской бригады, располагавшейся в Куньинском районе.

В ожидании возвращения бригады, действовавшей на оккупированной территории, Шмера Залманович занимался в основном хозяйственными делами, хотя, по его словам, обязан был обеспечить бригаду не только продовольственным, но и боевым питанием. Работу эту он назвал хлопотливой [8; л. 48–49]. Уже в письме от 4 октября автор сообщил, что снова вернулся, но куда, остается неизвестным, так как все географические названия в данном тексте густо зачеркнуты, но далее Голубкин написал о назначении его командиром партизанского отряда [8, л. 50]. 30 ноября 1942 г. он упомянул, что собирается снова отправиться в дальние края, и можно догадаться, что в тот момент он находился в советском тылу, а дальними краями назвал оккупированную противником территорию [8, л. 54].

Разумеется, в текстах нет подробных рассказов о выполнении конкретных заданий. Голубкин ограничивается словами про то, что партизаны насолили немцам, дали им трепку, отправили в могилу и т. д. Зато есть описания условий партизанской жизни, порой очень тяжелых. Вот одно из них: «С 7/XI установилась зима, было уже несколько сильных морозов, наступает холодное время. Как раз в самые морозные дни нам пришлось ночевать в лесу у костров. Можете себе представить, какое это удовольствие, после того как километров 15–20 пройдено по лесу вцелик по снегу. Ноги мокрые, остановились – начинают мерзнуть, развели костры – начинаем разуваться и сушить портянки. Зато до сих пор пятки как будто чужие» [8, л. 20].

Жизнь в партизанском отряде заставила Голубкина изменить привычный режим и перетерпеть множество бытовых неудобств: «...последние годы я дольше 6-ти часов утра никогда не спал. Сейчас всё переменялось. Частые ночные путешествия, которые приходится совершать в партизанской практике, привели к тому, что спать в большинстве случаев приходится днем и поэтому для того, чтобы написать это письмо, я даже в 9 часов утра должен был заставить себя встать «с постели» и сесть за письмо. Постель я ставлю в кавычки, потому что она представляет собой доску, на которой постелена телогрейка, а под головы положена вещевая сумка. Встаешь – болит шея, бока и т. д. Большинство же ребят спят прямо на полу» [8, л. 44].

Внимательный читатель текстов писем Голубкина обнаружит в них немало упоминаний о конкретных изменениях

в повседневной жизни населения прифронтового региона, о внешних приметах войны. Проживая в Ржеве, он отмечал, что город «посерел», подразумевая, что дома перекрашивались в серый цвет, цены на базаре резко выросли, а на почте начали принимать посылки для эвакуированных [8; л. 4, 13–13 об.]. По просьбе дочери он сообщал ей о работе ржевских школ: 15 сентября начали заниматься начальные классы в городе и районе, а с 1 октября или раньше планировалось начать занятия и в остальных классах [8, л. 8 об.]. Написал он о тревогах и «страшных ночах» в городе.

Имеются в письмах некоторые сведения о настроениях и поведении окружавших автора людей. Так, часть жильцов дома в Ржеве, где проживали Голубкины, в середине августа 1941 г. «немножко напугались» и уехали в деревню, в сентябре некоторые вернулись в город, но ночевать куда-то уходили [8, л. 1, 8 об.]. Автор писем постоянно информировал жену, если сам получал известия от родственников или хороших знакомых, например, от мамы Екатерины Семеновны, проживавшей в Оленинском районе. Примерно в конце июля или начале августа 1941 г. она написала Голубкину «очень паническое» письмо, в котором просилась в Ржев, видимо, опасаясь прихода немцев, но следующие два письма были спокойные, она уже не собиралась покидать родной район. Встречаются и другие упоминания о паническом настрое людей в прифронтовых районах. В одном из писем Шмера Залманович даже раскрывает механизм возникновения и распространения слухов на прифронтовой территории [8; л. 7, 8–8 об.].

Обсуждение и выводы

Коллекция писем Шмеры Залмановича Голубкина, которая совсем недавно стала доступна исследователям, является весьма ценным и интересным источником в первую очередь для тех, кто изучает историю Верхневолжья в период Великой Отечественной войны. Переписка Голубкина с женой и детьми позволяет проследить за изменением настроений автора, выявить факторы, влиявшие на групповые и индивидуальные настроения. Также можно составить некоторое представление о повседневной жизни калининцев, эвакуированных в Алма-Ату. Из текстов писем можно понять, как менялись

взаимодействия между людьми в условиях прифронтового региона, какие формы поведения присутствовали, как часть жителей принимала решение об эвакуации. Для исследователей истории партизанского движения на территории Калининской области данный источник тоже может быть полезным. Имеются в письмах и сведения о жизни населения в условиях оккупации, правда, их немного.

Знакомство с текстами писем Голубкина показывает, что главным устремлением автора в годы войны стала забота о своей семье, стремление защитить своих близких, помочь им выжить, обеспечить более или менее сносные условия существования, даже находясь вдали от них. Желание как можно быстрее воссоединиться или хотя бы увидеться с семьей постоянно сопровождало Шмеру Залмановича, но надежды на отпуск так и не сбылись, разлука оказалась очень длительной, чего в начале войны совершенно не ожидалось. Сам Голубкин остался верен своему долгу и выполнял те обязанности, которые требовались в тяжелых условиях военного времени.

Можно предположить, что дальнейшее изучение событий 1941–1945 гг. будет в значительной мере базироваться на анализе источников, подобных рассмотренным письмам, потому что именно материалы, заключенные в них, помогают осветить аспекты военной действительности, не столь подробно проанализированные ранее. Публикация полных текстов писем не только обеспечит новые возможности для региональных исследований, но и обогатит фундаментальные труды.

Список литературы

1. Белоглазова Г. Н. Письма с фронта как исторический источник времен Великой Отечественной войны // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 2 (39). – С. 188–191.
2. Сомов В. А. Письма участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вопросы истории. – 2007. – № 8. – С. 131–136. EDN: IAHZSB
3. Кузнецов А. С. Фронтовые письма как источник для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 63–68.
4. Иванов А. Ю. Анализ фронтовых писем периода Великой Отечественной войны в свете инновационных источниковедческих подходов // Вестник Чувашского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – № 4. – С. 37–41.

5. Тажиудинова И. Г. Переписка фронтовиков с родителями как источник по истории военной повседневности (1941–1945) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы научной конференции: в 2 т. / отв. ред. В. А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2018. – Т. 1. – С. 116–121. EDN: TINCPР

6. Нам выпало на долю. Война в письмах, дневниках, воспоминаниях. Сборник документов и материалов / гл. ред. Д. А. Ефремов. Тверь: Лилия Принт, 2005. 304 с.

7. Фронтовые письма: Тверская область: Книга памяти. Тверь: Фактор, 2005. 303 с.

8. Тверской центр документации новейшей истории. Ф. 4115. Оп. 1. Д. 4.

"It Seems That at Least a Little Bit, but I Talked With You, my Dear, and With the Guys". Letters of Sh. Z. Golubkin to his Wife and Children as a Historical Source

Lyubov A. Bolokina

The article is devoted to the analysis of the letters of Shmera Zalmanovich Golubkin, a participant of the partisan movement in the territory of the Kalinin region during the Great Patriotic War. The originals of the letters are kept in the funds of the Tver Center for Documentation of Modern History and belong to the period of 1941–1944. The letters are addressed to Golubkin's wife and children, who were evacuated to Alma-Ata. The main topic of the correspondence was the daily life of the family. The author paid a lot of attention to the issues of financial support for the family. Separation from loved ones became a very difficult test for Golubkin, and letters gave him a sense of participation in his wife and children's life. The author constantly expressed hope for meeting his family soon. The texts of the letters reflect the evolution of Golubkin's moods and assessment of the timing of the end of the war. The letters contain information about people's lives in the conditions of the frontline region, forms of behavior, methods of communication. There is also information about the partisan movement and the situation in the occupied areas.

Key words: Great Patriotic war, military everyday life, Kalinin region, Rzhev, partisan movement, correspondence, evacuation.

For citation: Bolokina, L. A. (2023) «Kazhetsja, chto hot' nemnozhko, a pogovoril s toboju, moja dorogaja, i s rebjatkami». Pis'ma Sh. Z. Golubkina k zhene i detjam kak istoricheskij istochnik ["It Seems That at Least a Little Bit, but I Talked With You, my Dear, and With the Guys". Letters of Sh. Z. Golubkin to his Wife and Children as a Historical Source]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 145–162. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_4_145. EDN: XXXVOO

References

1. Beloglazova, G. N. (2013) *Pis'ma s fronta kak istoricheskij istochnik vremen Velikoj Otechestvennoj vojny* [Letters from the Front as a Historical source of the Great Patriotic War]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education]. No. 2. Pp. 188–191. (In Russ.)
2. Somov, V. A. (2007) *Pis'ma uchastnikov Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945* [Letters of participants of the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 8. Pp. 131–136. (In Russ.)
3. Ivanov, A. Yu. (2008) *Analiz frontovyh pisem perioda Velikoj Otechestvennoj vojny v svete innovacionnyh istochnikovedcheskih podhodov* [Analysis of front-line letters of the period of the Great Patriotic War in the light of innovative source approaches]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Chuvash University. Ser. Humanities]. No. 4. Pp. 37–41. (In Russ.)
4. Kuznetsov, A. S. (2016) *Frontovye pis'ma kak istochnik dlja izuchenija antropologicheskogo soderzhaniya Velikoj Otechestvennoj vojny* [Frontline Letters as a source for studying the Anthropological content of the Great Patriotic War]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. No. 4. Pp. 63–68. (In Russ.)
5. Tazhidinova, I. G. (2018) *Perepiska frontovikov s roditeljami kak istochnik po istorii voennoj povsednevnosti (1941–1945)* [Correspondence of veterans with their parents as a source on the history of military everyday life (1941–1945)]. *Chastnoye i obshchestvennoye v povsednevnoj Zhizni naseleniya Rossii: Istoriya i sovremennost'* [Private and Public in the daily Life of the Russian Population: History and Modernity]. Materials of the scientific conference: in 2 vol. Ed. V. A. Veremenko. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Vol. 1. Pp. 34–37. (In Russ.)
6. Efremov, D. A. (2005) *Nam vypalo na dolju. Vojna v pis'mah, dnevnikah, vospominanijah* [It fell to our lot. The War in letters, diaries, memoirs]. *Sbornik dokumentov i vospominanij* [Collection of documents and memoirs]. Tver: Liliya Print. (In Russ.)
7. *Frontovye pis'ma. Tverskaja oblast': Kniga pamjati* (2005) [Frontline letters: Tver region: The Book of Memory]. Tver: Faktor. (In Russ.)
8. *Tverskoj centr dokumentacii novejshej istorii* [Tver Documentation Center of Modern History]. F. 4115. Op. 1. D. 4.

Об авторе

Болокина Любовь Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры психологии, истории и философии, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Российская Федерация; e-mail: bolokinal@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4311-1064

About the author

Bolokina Lyubov A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver, Russian Federation; e-mail: bolokinal@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4311-1064

Статья поступила в редакцию 22.10.2023
Одобрена после рецензирования 29.10.2023
Принята к публикации 06.10.2023